УДК 32.01
DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/92-96

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТИВЕНА УЭЛЧА

Д. А. Разинков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

STEPHEN WELCH'S THEORY OF POLITICAL CULTURE

D. A. Razinkov

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: *рассматривается теория политической культуры британского политического философа Стивена Уэлча. Анализируется его критика классических подходов за их неспособность объяснить двойственную природу политической культуры – ее одновременную стабильность и изменчивость. Центральное место в анализе занимает предложенная Уэлчем дуалистическая онтология, разделяющая культуру на практический и дискурсивный уровни. Прослеживается обоснование этой дихотомии через обращение Уэлча к философским (Л. Витгенштейн, М. Полани) и психологическим аргументам. Далее демонстрируется, как эта онтология объясняет двойственную динамику культуры: инерция связывается с практическим уровнем, а изменчивость – с дискурсивным. В заключении дается оценка теории, отмечаются ее сильные стороны в решении парадокса стабильности/изменчивости и слабые, связанные с опорой на спорные психологические данные.*
Ключевые слова: *политическая культура, Стивен Уэлч, динамика культуры, теория политики.*

Abstract: *the article analyzes the theory of political culture by the British political philosopher Stephen Welch. His criticism of classical approaches for their inability to explain the dual nature of political culture – its simultaneous stability and variability – is considered. The dualistic ontology proposed by Welch occupies a central place in the analysis, dividing culture into practical and discursive levels. The rationale for this dichotomy is traced through Welch's appeal to philosophical (L. Wittgenstein, M. Polanyi) and psychological arguments. Next, it is demonstrated how this ontology explains the dual dynamics of culture: inertia is associated with the practical level (the paradigm of "skill"), and variability with the discursive (analogy with the "market of values"). In conclusion, the theory is evaluated, its strengths in solving the paradox of stability/variability and weaknesses associated with reliance on controversial psychological data are noted.*
Key words: *political culture, Stephen Welch, cultural dynamics, political theory.*

Классическая концепция политической культуры была сформулирована Г. Алмондом и С. Вербой в работе «Гражданская культура» [1] 1963 г., где политическая культура определялась как совокупность индивидуальных психологических ориентаций граждан по отношению к политической системе. Эти ориентации включают в себя знания, чувства и оценки, направленные на политическую систему и собственную роль индивида в политике. Появление этой влиятельной концепции стало результатом большого междисциплинарного синтеза, обусловленного тремя ключевыми факторами [2].

Во-первых, интеллектуальные основания подхода восходят к *антропологии*, трактующей культуру как эмпирически фиксируемый образ жизни конкретного общества [3]. Во-вторых, *социология* предоставила теоретическую рамку, определив культуру как систему ценностных ориентаций, направляющих социальное действие [4]. В-третьих, бихевиоральная революция в политической науке обеспечила методологию количественного измерения индивидуальных ориентаций, сместив исследовательский фокус с формальных институтов на поведение граждан [5]. Важным катализатором появления концепции также

© Разинков Д. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

выступил исторический контекст холодной войны и потребность в объяснении различий [1, с. 13] между обществами в условиях разных политических систем.

Однако данная концепция столкнулась с критикой за психологический редукционизм [6–8], методологические ограничения [9; 10] и идеологическую ангажированность [11], что стимулировало появление новых подходов. Первым значительным шагом стал субъективистский подход, возникший в 1970-х гг. в среде советологов (А. Браун [12], С. Уайт [10]). В условиях невозможности проведения массовых опросов в СССР исследователи сместили фокус с индивидуальных установок на анализ культурных артефактов. Эмпирическая база была расширена за счет включения художественной литературы, мемуаров, исторических документов и официальных текстов. Этот подход позволил преодолеть психологизм и ввести в анализ исторический контекст, рассматривая традицию как «текст», формирующий политические ориентации.

Следующим этапом стал символистский (интерпретативистский) подход, опирающийся на культурную антропологию К. Гирца [13]. Его сторонники (Р. Такер [9], Л. Диттмер [5]) рассматривали политическую культуру не как сумму установок, а как «сеть смыслов» – систему разделяемых символов, ритуалов и нарративов, конструирующих политическую реальность. Исследовательская задача сместилась от измерения к интерпретации символов и пониманию того, как они формируют наблюдаемое политическое поведение.

Параллельно концептуальное поле обогащалось за счет работ, напрямую не посвященных теории политической культуры. Р. Инглхарт установил каузальную связь между социально-экономическим развитием и культурными сдвигами (от ценностей выживания к ценностям самовыражения) [14]. Р. Патнэм продемонстрировал взаимосвязь между эффективностью политических институтов, историческими традициями и уровнем «гражданственности» (социального капитала) в обществе [15].

К моменту появления работ С. Уэлча исследовательское поле эволюционировало от психологического измерения к анализу текстов и интерпретации символов. В ранней работе 1993 г. [16] автор попытался преодолеть ограничения теории, оставаясь на интерпретативистских позициях. Однако ключевое значение имеет его поздний труд «The Theory of Political Culture» [17]. В нем Уэлч не просто критикует существующие подходы, а предлагает оригинальную концепцию, основанную на дуальной природе политической культуры и связанной с ней динамике.

Уэлч начинает с критики предшествующих подходов, указывая на их неспособность объяснить природу и механизмы функционирования политической культуры. Критика направлена на позитивистский мейнстрим за эмпирический уклон в ущерб теории, а также на интерпретативный подход, избегающий каузальных объяснений, но неявно опирающийся на них. Рассматриваются также материалистические и дискурсивные альтернативы (теория рационального выбора, марксизм), которые, пытаясь элиминировать концепт культуры, неизбежно возвращаются к нему.

Данный анализ приводит Уэлча к выводу о необходимости сохранения концепта политической культуры при условии его теоретического переосмысления. Эту задачу автор решает во второй половине монографии. В главах 5-й и 6-й разрабатывается дуалистическая онтология, различающая дискурсивный и практический уровни культуры, а в главах 7-й и 8-й описывается политико-культурная динамика.

Потребность в дуалистической онтологии обусловлена неспособностью традиционных теорий разрешить ключевой парадокс: почему политическая культура одновременно инертна и изменчива [Ibid., p. 3]. Согласно Уэлчу, в основе проблемы лежит философская ошибка, совершаемая как позитивистами, так и интерпретативистами, – отождествление причинности действия с его вербальным объяснением [Ibid., p. 135]. Неспособность объяснить динамику и сведение причин к артикулируемым установкам создают теоретический тупик, выходом из которого становится предлагаемый автором дуализм.

Обоснование онтологии начинается с философских аргументов, которые затем подкрепляются психологическими данными. Теоретический фундамент опирается на идеи трех мыслителей XX века: Л. Витгенштейна, М. Полани и Дж. Сёрла. Уэлч обращается к их работам для деконструкции традиционного представления о культуре как феномене, полностью выразимом в языке. Утверждается, что культура состоит из двух различных, но взаимосвязанных уровней: практического и дискурсивного [Ibid., p. 133].

Практический уровень представляет собой сферу неявного, телесного знания, навыков и привычек; он охватывает автоматические и нерефлексивные действия. Дискурсивный уровень – это сфера языка, эксплицитных правил, ценностей и убеждений, посредством которых субъекты объясняют и легитимируют свои поступки. Для обоснования данной дихотомии Уэлч прибегает к философской критике примата языка и рациональности [Ibid., p. 114–115].

Центральным элементом аргументации выступает парадокс следования правилу Л. Витгенштейна. Согласно Витгенштейну, правило само по себе (дорожный знак, формула, норма) не содержит инструкции по своему применению [Ibid., p. 120]. Любая инструкция может быть истолкована превратно, что

порождает бесконечный регресс уточнений, однако в повседневной практике субъекты следуют правилам «вслепую» [Ibid., p. 121]. Анализируя эту проблему, Уэлч рассматривает две интерпретации Витгенштейна: коммунитарную, связывающую правильность действий с консенсусом сообщества («обычай» [Ibid., p. 122]), и индивидуалистскую, апеллирующую к «естественной способности» или «практическому навыку» [Ibid., p. 123].

Уэлч приходит к выводу о валидности обоих подходов, что конституирует дуализм. Выделяются индивидуальная, телесная способность «продолжать» действие (практический уровень) и социальная процедура «оправдания» или оценки правильности этого действия (дискурсивный уровень). Данные аспекты культуры рассматриваются как несводимые друг к другу [Ibid., p. 125].

Идеи М. Полани конкретизируют данный аргумент [Ibid., p. 126]. Вводится концепция «неявного знания» (tacit knowledge), выраженная в тезисе: «Мы можем знать больше, чем способны рассказать» [Ibid., p. 127]. Хрестоматийным примером служит навык езды на велосипеде: субъект удерживает равновесие, следуя физическим законам, но не способен их вербализовать. Различение Полани между неявным (периферийным) и артикулированным (фокальным) знанием [Ibid., p. 129] коррелирует с моделью Уэлча: первое соответствует практическому уровню культуры, второе – дискурсивному.

Дж. Сёрл предлагает термин «Фон» (The Background) для описания практического уровня [Ibid., p. 131]. Под «Фоном» понимается набор неартикулируемых навыков, предрасположенностей и практик, лежащих в основе осмысленных действий и убеждений [Ibid., p. 132]. Сёрл иллюстрирует это на примере взаимодействия с материальными объектами: уверенность в твердости стола проявляется не в виде постоянного осознанного убеждения, а через практику использования предмета. «Фон» выступает практическим, недискурсивным фундаментом, на котором базируется «передний план» эксплицитного мышления.

Далее Уэлч обращается к данным экспериментальной психологии для эмпирического обоснования теории. Автор подвергает критике «folk psychology» (народную или популярную психологию) за ошибочное, по его мнению, отождествление причин действия с осознаваемыми и вербализируемыми мотивами [Ibid., p. 135–136].

В первую очередь критически рассматривается концепция аттитюдов или ценностных ориентаций – основа позитивистской концепции политической культуры. Уэлч указывает на слабую каузальную связь между заявленным аттитюдом и реальным поведением, а также на ситуативность самих установок [Ibid., p. 142–143]. Эмпирическим подтверждением дуализма выступает теория «двойных аттитюдов» Т. Уилсона. Согласно ей, у субъекта одновременно существуют эксплицитные (сознательные) и имплицитные (бессознательные) установки. Данная модель соотносится с концепцией Уэлча: эксплицитные аттитюды соответствуют дискурсивному уровню культуры, а имплицитные – практическому [Ibid., p. 145].

Также привлекаются исследования автоматизма (Дж. Барг) и природы сознательной воли (Б. Либет, Д. Вегнер). Эксперименты Барга демонстрируют, что значительная часть поведенческих актов инициируется автоматически [Ibid., p. 147]. Работы Либета и Вегнера показывают, что нейронная активность, предшествующая действию, возникает до осознания намерения, а чувство воли является интерпретацией постфактум [Ibid., p. 150–151]. Данные исследования, по мнению Уэлча, эмпирически подтверждают разрыв между действием и его объяснением, указывая на существование нерефлексивного практического уровня культуры [Ibid., p. 153].

Несмотря на теоретическую стройность конструкции, обращение автора к экспериментальной психологии делает аргументацию уязвимой. Выходя за пределы философского дискурса, Уэлч опирается на радикальные и дискуссионные исследования, многие из которых столкнулись с «кризисом воспроизводимости» (см. письмо Д. Канемана [18]). Тем не менее использование психологических данных выполняет важную риторическую функцию, иллюстрируя философские тезисы и подчеркивая ограниченность моделей рационального выбора.

Обосновав дуальную онтологию, Уэлч переходит к анализу динамики политической культуры. В отличие от традиционных подходов, не разрешивших парадокс стабильности и изменчивости, дуалистическая модель предлагает объяснительную рамку, в которой практический и дискурсивный уровни порождают специфические типы динамики.

Устойчивость культуры объясняется свойствами ее практического измерения. Ключевой аналитической категорией здесь выступает «навык» (skill) [17, p. 159], обладающий «адаптивной инерцией» (adaptive inertia) [Ibid., p. 169, 171]. Инерция обусловлена сложностью формирования и перестройки навыков, а адаптивность – способностью к импровизации в новых условиях.

Концепция иллюстрируется на примере обществ, проходящих через масштабные трансформации (в частности, постсоветских). Устойчивость специфических политико-экономических моделей в таких системах объясняется не ценностями элит, а адаптацией унаследованных управленческих навыков к новым институциональным условиям [Ibid., p. 176]. Источник изменчивости локализуется в дискурсив-

ном измерении, анализируемом через аналогию с рынком [Ibid., p. 190]. Значения символов, подобно валюте, конструируют реальность, однако их «стоимость» зависит от коллективного доверия и подвержена колебаниям, основанным на взаимных ожиданиях [Ibid., p. 191].

Данная модель объясняет возможность резких сдвигов, таких как «спираль молчания» или «культурные войны» [Ibid., p. 195, 198]. Изменения публичного мнения связываются не с трансформацией внутренних убеждений множества агентов, а со сменой правил их публичного выражения – трансформацией «рынка» легитимных идей. Предложенная схема решает проблему каузальности, связывая инерцию с навыками, а изменчивость – с рынком значений.

Подводя итог, следует отметить, что данная теория предлагает системное решение проблем, свойственных как позитивистским, так и интерпретативистским подходам. Ключевое достоинство работы – объяснение парадокса стабильности/изменчивости через дуальную онтологию. Вместе с тем модель не лишена ограничений: к ним относятся опора на спорные психологические данные, непроясненность механизма взаимодействия уровней и упрощенность рыночной аналогии, игнорирующей фактор властных отношений.

Эвристическая ценность рассмотренного подхода заключается, прежде всего, в расширении горизонтов анализа. Дискурсивно-практический синтез позволяет преодолеть застарелый раскол между бихевиорализмом (фокус на поведении) и интерпретативизмом (фокус на смыслах). Вместо дихотомического выбора исследователь получает инструментарий для изучения диалектической связи: как укорененные практики ограничивают дискурс и как дискурс, в свою очередь, легитимирует или трансформирует практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М. : Мысль, 2014. 500 с.

2. *Разинков Д. А.* Идейно-дисциплинарный генезис концепции политической культуры // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 4 (116). С. 1152–1162.

3. *Иглтон Т.* Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.

4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2002. 880 с.

5. *Dittmer L.* Political Culture and Political Symbolism : Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. 1977. P. 552–583.

6. *Борисенков А. А.* О политической культуре как способе политического бытия // Философская мысль. 2012. № 1. С. 102–128.

7. *Петро Н. Н.* О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 36.

8. *Формизано Р.* Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 111–146.

9. *Tucker R.* Culture, Political Culture, and Communist Society // Political Science Quarterly. 1973. Vol. 88, № 2. P. 175.

10. *White S.* Political Culture and Soviet Politics. N. Y., 1979. 234 p.

11. *Easton D.* The New Revolution in Political Science // The American Political Science Review. 1969. № 62. P. 1051–1061.

12. *Brown A.* Soviet Politics and Political Science. N. Y., 1974. P. 89–104.

13. *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры : в 3 т. Т. 1. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 171–200.

14. *Inglehart R. F.* Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. № 1–2. P. 130–146.

15. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 234 с.

16. *Welch S.* The concept of political culture. N. Y. : St. Martin's Press, 1993. 208 p.

17. *Welch S.* The theory of political culture. Oxford : Oxford University Press, 2013. 287 p.

18. *Kahneman D.* A proposal to deal with questions about priming effects // Nature. 2012. URL: https://www.nature.com/news/polopoly_fs/7.6716.1349271308!/suppinfoFile/Kahneman%20Letter.pdf (дата обращения: 12.09.2025).

REFERENCES

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Moscow: Mysl', 2014. 500 p.

2. Razinkov D. A. Ideyno-distsiplinarnyy genezis kontseptsii politicheskoy kul'tury [The ideological-disciplinary genesis of the concept of political culture]. In: *Voprosy politologii*. 2025. Vol. 15, No. 4 (116). Pp. 1152–1162.

3. Iglton T. Ideya kul'tury [The Idea of Culture]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. 192 p.

4. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deystviya [The Structure of Social Action]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2002. 880 p.

5. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. In: *World Politics*. 1977. Pp. 552–583.

6. Borisenkov A. A. O politicheskoy kul'ture kak sposobe politicheskogo bytiya [On political culture as a way of political existence]. In: *Filosofskaya mysl'*. 2012. No. 1. Pp. 102–128.

7. Petro N. N. O kontseptsii politicheskoy kul'tury, ili Osnovnaya oshibka sovetologii [On the concept of political culture, or the fundamental mistake of Sovietology]. In: *Polis. Politicheskiye issledovaniya.* 1998. No. 1. P. 36.

8. Formizano R. Ponyatiye politicheskoy kul'tury [The concept of political culture]. In: *Pro et Contra.* 2002. Vol. 7, No. 3. Pp. 111–146.

9. Tucker R. Culture, Political Culture, and Communist Society. In: *Political Science Quarterly*. 1973. Vol. 88, No. 2. P. 175.

10. White S. Political Culture and Soviet Politics. N. Y., 1979. 234 p.

11. Easton D. The New Revolution in Political Science. In: *The American Political Science Review.* 1969. No. 62. Pp. 1051–1061.

12. Brown A. Soviet Politics and Political Science. N. Y., 1974. Pp. 89–104.

13. Girts K. "Nasyshchennoye opisaniye": v poiskakh interpretativnoy teorii kul'tury ["Thick description": in search of an interpretive theory of culture]. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury*. V 3 t. T. 1. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. Pp. 171–200.

14. Inglehart R. F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006. In: *West European Politics.* 2008. No. 1–2. Pp. 130–146.

15. Patnem R. Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskiye traditsii sovremennoy Italii [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem, 1996. 234 p.

16. Welch S. The concept of political culture. N. Y.: St. Martin's Press, 1993. 208 p.

17. Welch S. The theory of political culture. Oxford: Oxford University Press, 2013. 287 p.

18. Kahneman D. A proposal to deal with questions about priming effects. In: *Nature.* 2012. URL: https://www.nature.com/news/polopoly_fs/7.6716.1349271308!/suppinfoFile/Kahneman%20Letter.pdf (accessed: 12.09.2025).

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Разинков Д. А., аспирант кафедры философии политики и права философского факультета

E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

Поступила в редакцию 4 марта 2026 г.

Принята к публикации 6 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Разинков Д. А. Теория политической культуры Стивена Уэлча // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2026. № 2. С. 92–96. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/92-96

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Razinkov D. A., Post-graduate Student of the Department of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy

E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

Received: 4 March 2026

Accepted: 6 April 2026

For citation:

Razinkov D. A. Stephen Welch's theory of political culture. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.* 2026. No. 2. Pp. 92–96. DOI: https://doi.org/10.17308/history/1995-5480/2026/2/92-96